ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ 05.05.2022 | Кристос Кациоулис

Европейский (не)порядок

Кризисы не только ослабляли ЕС, но и давали толчки важным интеграционным шагам. Последует ли за войной геополитический суверенитет?

По крайней мере, никто не осмелился снова сказать, что в связи с войной в Украине «час Европы настал». Именно так министр иностранных дел Люксембурга Жак Поос в свое время охарактеризовал войну в бывшей Югославии. Эти слова, если оглянуться на прошлое, оказались болезненно далекими от истины. Сейчас Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель предпочитает говорить о «самых темных часах для Европы», выражая при этом надежду «на запоздалое рождение геополитического ЕС», основанную на необыкновенном единстве европейских государств и США, позволившем принять жесткий пакет санкций против России.

Боррель озвучил фундаментальную уверенность многих европейцев в том, что развитие ЕС происходит по аналогии с движениями маятника. С такой позиции каждый кризис – откат в развитии Евросоюза, за которым следуют успехи в интеграции. Каждый кризис всегда является предвестником нового шага, усиливающего интеграцию ЕС. За несостоятельностью Европы во время событий в Югославии последовала Общая внешняя политика и политика безопасности, а позже – Общая политика безопасности и обороны. Ответом на кризис евро стала разработка соответствующего инструментария, в частности, Европейского стабилизационного механизма и Европейского фискального пакта. Миграционный кризис летом 2015 года повлек за собой незамедлительное предоставление срочной помощи государствам – членам ЕС, которых он коснулся, усиление Frontex, а также спорные соглашения с государствами происхождения беженцев или граничащими с ними странами. Они позволили осуществить фактически «аутсорсинг» миграции и избежать дальнейшего обострения обстановки внутри ЕС. Ответом на пандемию стала грандиозная финансовая программа NextGenEU, призванная также обеспечить переход ЕС к благоприятной для климата экономике.

И даже на вызовы правительств Польши и Венгрии, склонных к правому популизму и авторитаризму внутри ЕС, нашелся ответ в виде предоставления части средств из бюджета Евросоюза в зависимости от соблюдения стандартов правового государства. Все – масштабно, но малопонятно. По такой логике началом «геополитического ЕС» можно счесть и единодушное принятие нового Стратегического компаса ЕС в марте 2022 года, и использование средств из Европейского фонда содействия миру для поставок оружия Украине.

Слабым местом в построении Европейской политики безопасности и обороны с самого начала был раскол между странами с четко выраженной трансатлантической ориентацией и ставкой на самостоятельность Европы в вопросах безопасности

Однако в этой повести есть один пробел. Это – трещины и расколы, возникающие в результате таких кризисов внутри ЕС – часто между отдельными группами государств – и тормозящие его развитие. Образно выражаясь, интеграционные успехи похожи на отдельные слои, сложенные друг на друга. Но в каждом таком наслоении имеются слабые места или даже дыры, в результате чего становится шаткой и вся конструкция. Таким образом, цели стратегического суверенитета ЕС, как это сформулировано в германском коалиционном соглашении, или даже еще более далеко идущей стратегической автономии, как обозначил этот процесс переизбранный президент Франции Эммануэль Макрон, лишены прочной основы.

Как все это конкретно выглядит, можно проиллюстрировать тремя примерами. Во-первых, слабым местом в построении Европейской политики безопасности и обороны с самого начала оказался раскол между странами с четко выраженной трансатлантической ориентацией, такими как Польша и Великобритания, и теми, кто делает ставку на самостоятельность Европы в вопросах безопасности. В этом случае самостоятельность с самого начала предполагала маргинальную роль. Ведь в принципе политика безопасности в ЕС была выстроена таким образом, чтобы успешно работать в условиях функционирующего либерального порядка и обеспечивать выполнение скромных задач по его стабилизации. Трещина между двумя лагерями повлекла за собой нескончаемые дебаты о «разделении труда» между ЕС и НАТО, породившие множество формул компромисса, но не позволившие достичь реального прогресса. ЕС попытался исправить ситуацию разработкой таких инструментов, как, например, Боевые группы ЕС, преподнесенных

как существенный шаг вперед, но так никогда реально и не использованных.

Захватническая война России предоставляет шанс преодолеть трансатлантический раскол. Она вдохнула новую жизнь в НАТО и наглядно продемонстрировала незаменимость сдерживающих мощностей США для европейской безопасности. При этом правительство Байдена благожелательно предлагает увеличить европейское пространство безопасности, так как США стремится сосредоточить основное внимание на Китае. Усиление европейской безопасности с прагматической точки зрения пошло бы на пользу как ЕС, так и европейской составляющей в НАТО. Но его нужно привести в соответствие с новой системой (без)опасности в Европе, а не просто двигаться по проторенному пути. Если этот шанс будет упущен и в 2024 году к власти в Вашингтоне придет призрак Дональда Трампа либо он сам, Европа может оказаться с пустыми руками.

Кризис евро подорвал веру в европейскую солидарность и проложил глубокие трещины между европейским Севером и Югом

Во-вторых, кризис евро подорвал веру в европейскую солидарность и проложил глубокие трещины между европейским Севером и Югом. Фокусирование на сугубо экономических аспектах, которое продвигалось в то время прежде всего министром финансов Германии Шойбле, способствовало формированию двух тенденций, поставивших под вопрос стратегический суверенитет Европы. С одной стороны, речь о стратегической слепоте Европы. Ведь для того чтобы добиться сбалансированного бюджета, Грецию, например, заставили продать «фамильное серебро», причем неважно кому. Поэтому пятый по величине в Европе Пирейский порт принадлежит сейчас государственной китайской компании, а порт в Салониках – олигарху из России, которого подозревают в связях с сепаратистами Донбасса. Таким образом, за счет европейских партнеров конкурентам, а то и соперникам, было предложено прибрать к рукам европейские стратегические объекты, позволяющие новым хозяевам препятствовать европейскому единству. Путем давления на страны, которые зависят

от их инвестиций, они могут влиять на решение Совета ЕС. Этот исторический опыт в сочетании с обеспокоенностью довольно жесткой трактовкой Пакта стабильности и роста в будущем – второй сильный удар, нанесенный кризисом евро. Ведь до тех пор пока общая экономическая политика будет пребывать в зачаточном состоянии, а активизация европейских инвестиций будет происходить лишь во время кризисов, европейская консолидация останется хрупкой. Поэтому следующим шагом должно стать развитие еврозоны в экономически и финансово единое целое.

В-третьих, глубокие трещины оставил после себя и миграционный кризис, а прежде всего отказ восточноевропейских государств-членов от поиска общих решений. Наряду со все более нелиберальной реорганизацией системы государственного управления в Польше и Венгрии он усилил впечатление, что правительства этих стран беспокоит не столько активное участие в построении европейской интеграции, сколько европейский «бюджетный пирог», иными словами – финансовые ресурсы ЕС.

В случае с Польшей это мешает стране взять на себя важную роль в ЕС, заложенную, например, в идее Веймарского треугольника, и тем самым установить связь между германско-французским «европейским двигателем» и странами Центральной Европы. Добавьте к этому отчасти антигерманскую риторику польского правительства и стремление к сближению с президентом Трампом и получите полную картину: правящую верхушку в Варшаве интересует не усиление ЕС. Призыв Польши к солидарности в решении проблемы потока беженцев из Украины позволяет надеяться на устранение трещин, по крайней мере, в отношениях с Варшавой, так как единый фронт Польши и Венгрии в данный момент начинает разваливаться преимущественно из-за близости главы правительства Венгрии Виктора Орбана с режимом Путина. Но это может быть успешным только в том случае, если демонтаж судебной системы будет исправлен, и Польша полностью примет и внедрит стандарты верховенства права ЕС. Дополнительным стимулом для Варшавы может стать идеологически сильный призыв администрации Байдена к союзу демократий против автократии.

ЕС оказался перед огромным вызовом. Ему

Этот беглый и неполный обзор фрагментированного и расколотого ЕС

предстоит справиться с нынешним кризисом и сделать после него правильные выводы, а также устранить существующие разрывы

отчетливо демонстрирует причины, почему до начала войны существовали сомнения относительно пакета жестких санкций против России. Абсолютно ясно, что ЕС сейчас оказался перед огромным вызовом. Ему предстоит справиться с нынешним кризисом и сделать после него правильные выводы, а также устранить существующие разрывы, чтобы стабилизировать способность к формированию политики. Это также подразумевает жесткую дискуссию, которую невозможно успокоить лишь шаблонными компромиссами. Здесь необходимо прежде всего честное обсуждение различных форм интеграции, одной из которых уже является еврозона. Переизбрание Макрона и новое германское правительство, равно как и давление кризисной ситуации, предоставляют для этого «окно возможностей». И тогда действительно мог бы пробить час рождения геополитически суверенного Европейского союза.

Кристос Кациоулис
Вена

Кристос Кациоулис (Christos Katsioulis) руководит Региональным офисом Фонда им. Фридриха Эберта по сотрудничеству и миру в Европе (FES ROCPE). До этого он работал в Лондоне, Афинах и Брюсселе, а также в течение пяти лет был экспертом по вопросам внешней политики и политики безопасности отдела Анализа международной политики Фонда. Он изучал политологию и историю в университетах в Трире и Салониках.